

16+

Александр Мильченко

Истинный борец

Рассказ

Александр Сергеевич Мильченко

Истинный борец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35003250

SelfPub; 2018

Аннотация

Небольшое произведение, в котором говорится о главной и единственно полезной и важной для каждого человека внутренней работе. Ничего не может быть достигнуто хорошего без значительных страданий и усилий. Именно об этой внутренней борьбе человека с самим собой, со своими страхами, заблуждениями, прошлыми ошибками, в выяснении кто он, и что должен делать здесь, на земле, было написано это сочинение.

В оформлении обложки использована картина И. Крамского "Христос в пустыне"

Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир.

Ин. гл. 16, ст. 20-21

Тот, кто победил себя, гораздо больший победитель, чем тот, кто победил тысячу раз тысячу людей в сражении. Лучше победить себя, чем всех других людей.

Тот, кто победил других людей в сражении, может быть побежден, но тот, кто победил себя и владеет собою, остается навсегда победителем.

Дхаммапада

Глава 1

Никите было 40 лет, когда он впервые задался вопросом, зачем он живет. Этот вопрос он задавал не с тем сильным желанием найти ответ, а с непониманием и отчаянием на душе. Он не находил в себе сил ответить на него. Все было как в тумане. Он запивал свое горе водкой, все сильнее жалел себя и все хуже соображал. Ему казалось, что сама жизнь остановилась. Он не видел никакого разумного смысла ни в

своей, ни в любой другой жизни.

Никита был так же одинок, как в свои 18 лет. Он жил для себя одного, но только раньше было хорошо и радостно. А сейчас что?

У него не было семьи. Сын ненавидел его, родители презирали. Всему этому была причина его пристрастия к пьянству. Из-за алкоголя и табака он сильно постарел. Он выглядел болезненно, много старше своих лет.

Одиночество с каждым днем все сильнее угнетало его. Никиту стали посещать мысли о самоубийстве. Мысли эти были слабые, неясные, но ужасные в своем появлении. Он не знал как справиться с ними, хотел убежать от них. Он не по своей воле вызывал их в своем сознании. Невозможность убежать от мыслей делала их сильнее и могущественнее в его глазах, и страх перед ними только увеличивался.

Хоть ему было страшно, и не было видно никакого про света, он все-таки хотел жить. Какая-то внутренняя могущественная сила не позволяла сделать ему глупость.

Каждый день он только и делал, что пил и боялся.

Никита перестал брать в руки острые предметы, выкинул с квартиры все веревки, чтобы не повеситься. Он боялся находиться один. Со временем мысли о самоубийстве невольно сменились вообще мыслями об убийстве. Никита стал бояться находиться рядом с другими людьми.

Желая хоть как-то отвлечься, он иногда выходил на прогулку.

Однажды гуляя по парку его взгляд упал на висевший неподалеку плакат с десятью заповедями Моисея. Взгляд его сразу сосредоточился на шестой заповеди, в которой говорилось: «не убей». Эти два слова были для него как камень с души.

Когда мысли об убийстве вновь посещали его, он коротко говорил: «Сказано – не убей». И мысли эти покидали его.

Как-то раз на Никиту обрушился безжалостный поток скверных мыслей, которому он не мог противиться. Когда ему стало невыносимо страшно, он, сам того не ожидая, стал молиться Богу. Вначале он сильнее прежнего испугался этого внутреннего обращения к Нему. Он считал себя атеистом, и потому отрицал всякую религию, считая ее мистическим делом, на котором наживаются богачи. Но это его обращение настолько охватило его существо, как будто пробудило от спячки, зажгло давно угасший огонек света, и дало сил и надежду, что он обрадовался настолько сильно, что не мог удержать ни слез, ни смеха. Он плакал от того, что был мертв, а смеялся потому, что теперь как будто ожил. Был во тьме, а теперь покрылся светом.

Он не переставая разговаривал с Богом обо всем, что беспокоило его самого. Чем больше он говорил с Ним, тем ему становилось спокойнее. И больше ничего не нужно было. Разговаривая с Богом, думая о Нем, Никита точно не знал, правильно он делает и понимает. Главное, что так ему становится хорошо. Ему никогда не было так хорошо как сей-

час! Никите даже показалось, что жизни раньше и не было, а было лишь подобие ее.

Он с утра до вечера думал о Боге, говорил с Ним. Ничего в жизни не было ему так важно, как Он. Разговоры с Ним единственно давали смысл его жизни; но Никита вполне не осознавал этого, ему было просто счастливо.

Он перестал пить, и светился от радости как никогда.

Такие изменения сразу заметили близкие. Никита стал добр, заботлив и общителен. Он начал обращать внимание на мелочи; даже в них он видел проявление Божьей силы. Его волновало только одно: не потерять это внутреннее состояние спокойствия и беспредельного блаженства. Он находил в добрых, безвозмездных поступках, которые он совершал не только семье, но и прохожим, совсем неизвестным людям, — он находил в них все увеличивающуюся радость в своей душе и желание делать больше добрых дел.

За месяц Никита совсем преобразился и стал до неузнаваемости другим человеком. Беспричинный страх, жуткие мысли о самоубийстве сами собой покинули его. Мысли стали просты и светлы. Мрак стал светом. Никите даже стало казаться, что такое возвышенное состояние у него всегда было и будет. Теперь он стал жить для того, что единственно давало смысл его жизни, что единственно смогло вылечить его, — теперь он стал жить для Бога. Он находил в этом смысл своей жизни. Все, что ранее было непонятно Никите, стало ясно и просто; то, что ранее было скрыто от него, стало вид-

но; где раньше ему было тяжело, стало легко; где было неровно, стало ровно. Он считал свое перевоплощение настоящим рождением, а точнее воскресением того, что всегда, с самого рождения было в нем хорошего и доброго.

Теперь Никита жил в служении Богу и людям. Он ел и пил, спал и бодрствовал ради одного лишь служения.

Глава 2

С момента своего изменения, Никита первым делом помирился со всеми с кем был в разладе, на кого злился, обижался или кого сам побуждал к злобе и недоброжелательству. Его переполняло чистое и радостное чувство любви, прямо как в детстве, что он не мог поступать иначе. Он не смел обращаться к Богу, пока знал, что с кем-нибудь в обиде. Забывая о себе, он думал только о том, чтобы быть со всеми в любви. Он чувствовал, что делал все так, как должно делать. В его душе становилось все светлее.

Помимо этого все увеличивающегося доброго чувства, Никита ощущал появление чего-то нехорошего в себе. Он всеми силами души хотел удержать свое всегда приподнятое настроение, но другое неизвестное и неприятное чувство мало-помалу овладевало им. Он не понимал что это за чувство. Непонимание порождало страх.

Никита стал еще больше обращаться к Богу.

Появившийся страх настолько затуманил его рассудок,

что он перестал замечать за собой грубость в общении с близкими людьми.

Одним вечером его мать прямо сказала ему:

– Ты так говоришь со мной, точно ненавидишь!

Эти слова задели Никиту за живое и привели в замешательство.

«Ненавижу?.. Но я не могу ненавидеть кого-либо. Этого не может быть! Все люди братья мне... – думал Никита. – Я всех люблю»

Он так испугался того, что его вера вот-вот рухнет, и жизнь его снова станет бессмысленной, что весь вечер провел в молитве и чтении Евангелия.

Хотя он не прекратил внутреннего обращения к Богу, он как будто чувствовал, что Он мало-помалу покидает его. Больше всего Никиту пугало то, что он не мог найти причину этого его отдаления от Бога. Он искал ее где-то извне, вместо того, чтобы заглянуть внутрь себя.

В течении нескольких месяцев Никита старался снова обрести Бога, никак не замечая того, что от этого поиска он становился только злее и требовательнее к окружающим.

В один из таких дней, когда он перечитывал Евангелие, желая найти в нем ответ о своем внутреннем состоянии, его посетило такое резкое и сильное желание выпить, что от неожиданности он лег на кровать и застыл в оцепенении. Только глаза выдавали всю катастрофичность его положения. Все его тело пульсировало и обжигало, его лихорадочно

трясло, холодный пот выступил на лбу; Никита покраснел от нехватки воздуха. Его переполняло сильнейшее в его жизни желание выпить. Сознание его совершенно помутнело: он не мог ни противиться этому сильному чувству, ни противостоять ему усилием воли.

Он безоговорочно сдался, не проявив ни малейшего усилия. В его осознании время от времени появлялись вспышки света. Но ничто не могло спасти его от падения. Проявив слабость, он в слезах просил у Бога прощения.

Глава 3

«Как? как я мог это совершить?» – неустанно думал Никита. Он ежеминутно укорял себя в этом поступке, оскорблял себя, молился и каялся Богу в совершенном зле, обещая больше этого не повторять. Этот проступок поставил под сомнение всю его веру, и свел на нет все его добрые дела.

Никита был противен себе. Он не мог скрыть от себя своего же сокрушительного падения.

«Что мне люди?... – говорил он сам с собою. – Я упал в глазах Бога... Для меня это хуже и больше всего»

Никите действительно стало все-равно, что о нем подумают. Ему было только важно любить Бога и ближнего, служить Ему делом любви. Но то, что он совершил было выше его понимания, и как бы отодвинуло центр тяжести от того, что было для него действительно важно, в какую-то другую

неизвестную сторону. Никита сам не замечая того, с каждым новым днем переставал служить Богу добрыми делами, и все больше думал о том, почему он так поступил, почему он снова запил. Чем больше он думал об этом, чем больше нравственно корил и обвинял себя, тем ему становилось дурнее. Упав в своем всегда спокойном и счастливом расположении духа, он понемногу сделался тем, чем боялся сделаться больше всего на свете, – он сделался раздражительным и, в некоторой степени, злым человеком. Он стал грубить близким, резко отвечать им, находил в них что-то несовершенное, указывая на их ошибки, и всегда ходил в недовольном настроении. Он стал невыносим сам себе, но никак не мог остановиться осуждать.

Подолгу Никита думал о том страшном, не контролируемом и чрезвычайно сильном для него чувстве, которое посетило его, и как будто приказало сделать зло.

Теперь он больше всего на свете боялся этого чувства. Боялся он его потому, что не знал как противостоять ему.

Наступила зима. Никита стал употреблять все средства, которые считал нужными, для усмирения плоти. Вначале он стал обливать себя водой, потом вовсе стал ходить на босую ногу по снегу. Вначале все это было очень холодно, и приносило невыносимые страдания телу. Но Никита радовался этим страданиям, зная, что они помогут ему избежать того страшного чувства. Помимо обливания он отказался от всего сладкого, и того, что приносило телу удовольствие. Все

дальше уходя в умерщвление плоти, он стал поститься. Сначала он постился один день, потом два и, наконец, принимал одну порцию еды в сутки в течении нескольких дней. Все это было невыносимо мучительно. Если в первый день все проходило успешно, то остальное время, он неустанно думал о еде, сильно мучаясь болями в желудке. Его переполняли мысли о самой вкусной еде; воображалось, как он будет есть ее и наслаждаться ее вкусом. Никита никак не мог противостоять этому мыслительному потоку, который обрушился на него.

Однажды постясь, Никита пришел к выводу, что жизни нет, когда он не ест; она как будто останавливается для него. Вот как только положит кусок хлеба в рот, так сразу она наполняется красками, обретает смысл, и все становится как прежде, – все становится хорошо. Только он пришел к такому выводу, не теряя времени он пошел и покушал. Но сделав это, Никита сделал еще кое-что. Он сходил в магазин, купил водки и выпил ее, нисколько не жалея о содеянном.

Глава 4

Только после, хорошенько одумавшись и придя в себя, Никита вновь принял себя за негодяя и даже преступника. Он неустанно молился Богу, но все зря. Никакие мольбы не помогали устранить отвращение перед самим собой, и помочь избавиться от порока.

Никита часто вспоминал то прекрасное время, когда он впервые почувствовал себя живым и разумным существом, прочувствовав всем своим сердцем Бога в своей душе. «А сейчас что? – думал он. – Пустота и мрак...»

Каждый день ему становилось беспричинно страшно. Он начинал усиленно молиться Богу, и страх вроде бы утихал. Особенно ему становилось страшно и его посещали прежние ужасные воспоминания именно тогда, когда он выпивал. Он чувствовал, что совершал самое страшное зло в своей жизни, но никак не мог остановиться.

Никита считал себя никому не нужным стареющим человеком. Он чувствовал себя как никогда одиноким. Одиночество его было странным, непривычным и тяжелым.

Он часто гулял. Гулял он преимущественно вечером, перед сном. Походы на свежем воздухе помогали отвлечься от угнетающих мыслей. По наступлению позднего часа он возвращался домой с надеждой быстро уснуть. Только он переступал порог, его сразу посещало желание выпить. Оно было в его сердце словно хозяин дома. Если он исполнял то, что требовало появившееся желание, все становилось хорошо. Если противился, желание стремительно усиливалось, и противиться становилось невозможно. Падая вновь, он себя ужасно осуждал и критиковал свой поступок, от чего впоследствии мучительно страдал.

Так продолжалось раз за разом.

С каждым новым днем Никита все резче чувствовал про-

тиворечие и раздвоение своей жизни. Он чувствовал, что хочет быть совсем ангелом, духовным существом, или совсем животным, но не может стать ни тем ни другим. Он не может отказаться от похотей тела, но и не хочет служить им.

И что же делать? Никита никак не мог решить эту загадку, моля Бога о помощи.

Глава 5

Как это обычно бывает в жизни, разрешение сложных и самых важных вопросов, приходит само собою, часто после волнений и переживаний. Точно так же пришло понимание и к Никите, со временем.

Никита открыл для себя, что он не ангел, не животное, но... ангел, рождающийся в животном. Он понял, что жизнь на то и дана, чтобы совершенствуя себя, превозносить все светлое и доброе, что есть в нем, над всем животным, чем он только обладает, но не является.

Благотворное действие этого открытия хоть и окрылило его, продлилось недолго. Время от времени он все так же пил. Только теперь Никита перестал укорять себя за свою слабость. Он говорил себе, что сейчас он проиграл, но в следующий раз обязательно победит.

Случилось раз, что желание выпить охватило его с прежней невероятной силой. Казалось, будто все зло мира обрушилось на его хилое и немощное тело. Но Никита был готов

к этому чувству вожделения, и решил покончить с ним раз и навсегда. Целых пятнадцать дней он внутренне боролся с ним, подавлял сильнейшие вспышки, которые как будто обжигали его изнутри. С каждым таким подавлением он удивлялся своей выдержке, которую никогда не проявлял ранее в жизни. Никита даже предположил, что это не он сам, а какая-то внутренняя божественная сила помогает ему. Он сам, со своим слабым характером, никак бы не справился с этим соблазном. Он мысленно благодарил Бога за поддержку, и радовался и удивлялся приближающейся победе над пороком. Он все больше чувствовал, что желание выпить умалается. Но дальше с Никитой случилось то, чего он несколько не мог ожидать.

В один из тех дней, когда он внимательно следил за своими мыслями и внутренним состоянием, он почувствовал, как у него сильно запекло в боку. Все его сознание сосредоточилось на этой боли. Она была в своем проявлении очень мучительной, и только увеличивалась с каждой минутой. Никита подумал, что, только выпив, он сможет прекратить свои страдания. Все его мысли, все его существо сосредоточилось на этом желании, прося избавиться от боли.

Никита был в нерешительности.

Его сознание металось из стороны в сторону. Он смутно соображал. Ему становилось все страшнее, казалось, как будто он находится одной ногой на том свете.

При этом своем состоянии, Никита находился сразу вез-

де и негде. Он не замечал ничего вокруг себя, не видел и не слышал. Он находился в каком-то отдаленном месте, где нет никого кроме него самого и того состояния, с которым он борется. Находясь в этом месте, Никите меньше всего удавалось как-то справиться со злым чувством. Он как будто перестал существовать на земле, и витал в облаках. Но чем больше он находился в таком состоянии, тем больше его одолевала животная страсть. Только он осознал это свое необычное положение, его как-то выдернуло с этого места. Он мгновенно стал все видеть вокруг, слышать и сознавать как прежде.

С Никитой случилось нечто подобное, что может случиться с человеком, плавающим под водой. Ему плохо видно, слышно, он не может дышать и нормально передвигаться. Ему нужно только вынырнуть, чтобы почувствовать себя хорошо. То же происходит с человеком, борющимся со своим пороком. Ему нужно возвыситься над всем плотским свой небесный дар – разумение, – чтобы снова стать человеком.

Никита сел. Что-то мешало ему сделать задуманное. Он не решался выпить прямо сейчас, все оттягивал, хотя твердо знал, что у него была спрятанная бутылка. На мгновение он прислушался к себе, к своей боли. Что-то кололо в правом боку. Но что это?.. Отчего болит? Эти и прочие вопросы стремглав пронеслись в его голове. Он заметил, что боль оказалась не такой сильной, какой была вначале. «Что это я хочу сделать?» – вдруг подумал Никита. Он как бы приподнялся над неприятным чувством, в сущности которого было жела-

ние выпить. «Я что, не могу выдержать это гадкое чувство?.. Нет!.. Ради всего святого, ради Бога, ради своей души я не буду пить!» Никита резко встал и вышел в другую комнату. Он упал на кровать, но потом вскочил и сел на ближайший стул. Просидев на нем несколько секунд, он встал и начал быстро ходить по комнате, убавляя скорость. К нему медленно возвращался рассудок. Боль и желание выпить умаялись. Он стал дивиться своему помутнению сознания. «Да пусть моя печень хоть отвалится, – не буду пить!» – резко ответил он кому-то, хотя кроме него в комнате никого не было.

Никита диву давался! Что с ним было? Как он смог выстоять?.. Он не понимал. Он лег на кровать. Его переполняло невыразимое радостное чувство победы. Он выстоял. По его душе проходил какой-то теплый трепет и приятное волнение. Измотанный и разбитый от борьбы, он казался себе полный сил и надежд. На мгновение он почувствовал, что приблизился к Богу.

Но вдруг в его голове впервые раздался какой-то тихий, но пронзительный голосок. Этот голосок искусно приводил доводы в пользу того дела, против которого Никита мучительно боролся последние несколько дней.

Все прежние мысли, посещавшие его, были короткими и страстными, служили как бы дополнением к сильному чувству. Никита долго не думая соглашался с ними, и делал то, чего они требовали. Но эта новая мысль, похожая на чей-то голос, была убедительна в своем рассуждении, беспристраст-

на, и появилась отдельно от нехороших чувств. Она была их хозяином. Эта мысль была настолько неожиданной для Никиты, что застала его врасплох. Он напряг все свои внутренние силы, живо подумал о Боге, о всем добром и хорошем что есть на свете. Он откинул ее с силой испуганного человека, попавшего в западню. Он не знал как противиться ей, и стал по привычке молиться. Но ничего не помогало.

Напуганный, с непониманием того, что происходит, Никита быстро выбежал на улицу, чтобы подышать свежим воздухом и обдумать происходящее. Он выглядел ужасно в эти минуты...

Вернувшись поздно домой, он покушал, и по обычаю сел читать книгу. Его все так же одолевало беспокойство, переходящее в страх. Он старался не обращать внимание на свое растерянное состояние, но никак не получалось. Он чувствовал себя совершенно беззащитным и подавленным, загнанным в угол каким-то страшным, безжалостным зверем.

Только он прочел несколько строк, как тот прежний внутренний голос снова обратился к нему, предлагая выпить. Мысли с невероятной скоростью посещали его, все сильнее искушая: они рисовали в его воображении образы, указывающие именно тот момент, когда он получал наивысшее наслаждение от алкоголя. Вначале появления сильной страсти, Никита твердо стоял на своем; но чем больше воображение рисовало соблазнительные картинки, тем Никита становился слабее духом. Когда разумение его совсем затемнилось, он

уже не замечал за собой, как перестал противиться ему. Теперь он жадно наблюдал за ходом воображения. Он наивно клюнул на удочку и попал в сети зла. К нему пришла мысль, которая окончательно побудила его сдаться: «Да катись оно все к черту!»

Он снова запил.

Глава 6

Как только Никита бездумно совершил желаемое, к нему вернулся рассудок. Его мгновенно охватил ужас и отчаяние. «Как я снова докатился до такого скотского состояния? Я животное, глупое, дикое, тупое животное! Я не достоин носить имя человека!.. Как же я омерзителен и жалок» – укорял он себя. Никита так рассердился на самого себя, что готов был совершить какую-нибудь глупость над собой. Ему вспомнились слова из Евангелия: «Пусть лучше один из членов твоих пострадает, чем все тело будет ввержено в геенну». Не теряя ни минуты, он взял молоток и с такой силой ударил себя по пальцу, что аж хрустнуло. Никита обрадовался этому хрусту. Он решил для себя, что этот сломанный палец будет для него вечным напоминанием его слабости и порока; он решил, что посмотрев на него однажды, ему станет совестно, и он больше не сделает того, к чему испытывает сейчас отвращение.

Последующие дни палец невыносимо болел. Никита как

младенец радовался тому, что несет страдания за свои грехи, и переносил их с небывалым для него мужеством.

Он впервые осознал свою слабость перед искушением. Он понял, что оно во много раз сильнее и невыносимее самого вожделения. Испытание невозможно победить внутренним усилием. Каждый раз проявляя усилие, Никита приходит к выводу, что слабость его характера, или даже самое обычное, ничем не примечательное обжорство, приводит его в изнеженность, а оно в свою очередь вызывает испытание, с которым нет сил бороться. «Что делать? Как быть?» – неустанно думал Никита...

Однажды его посетила мысль, которая месяцами созревала в его душе. Каждое падение Никиты способствовало питанию, укреплению и разрастанию этой мысли. В один день она сама собою, как созревшая яблоня, дала плод. Вот какова была эта мысль. «Нужно принять окончательное решение перестать пить. Ты себя только обманываешь и показываешь свою слабость, когда рассчитываешь на собственное усилие. Только приняв решение больше ни при каких условиях не пить, ты проявишь внутреннюю силу, и избавишься от порока».

Никита так и поступил. Он принял решение больше никогда не пить, и даже не думать об алкоголе. Только он сделал это, его перестало одолевать вожделение, а мыслей о выпивке и след простыл.

Глава 7

Целых два месяца Никита жил и радовался своей победе над пороком. За это время его ни разу не посетила ни мысль, ни желание выпить. Теперь ничего не стояло у него на пути к Богу, и не мешало его совершенствованию.

На третий месяц Никита стал замечать за собой одну странность: с каждым днем он становился не только лучше и счастливее, но наоборот, раздражительнее и грустнее. Точно его душа тосковала по чему-то. Никита старался понять, хотел найти причину такому состоянию, но никак не мог. Причины не было, ведь все было хорошо. «Тогда от чего так плохо?» – спрашивал он сам у себя.

На следующий день с ним произошло важное обстоятельство, заставившее его серьезно задуматься.

Гуляя по любимой аллее, ему довелось встретить старого знакомого, который указывая в сторону пьющих людей, сказал:

– Только увижу, как кто-то пьет, мне аж дурно становится. Неприятно смотреть на таких людей.

Никита ничего не ответил на это замечание. Только стал мысленно насмехаться и осуждать старого знакомого за то, что он говорит одно, а делает обратное. Он стал вспоминать, что его знакомый сам пьет как черт, и выглядит куда хуже любого пьющего.

Но как только он хотел сказать об этом, по его телу про-

шел как будто электрический толчок, и он остановился в своем желании. Никита понял, что он не имеет никакого права осуждать других людей, потому что он сам как мешок с грязью: смердит недостатками. Сколько раз он себе говорил, что пить не будет, высказывая и мысленно и вслух свое отвращение к алкоголю, – но потом брал и пил, не думая ни сколько о своем человеческом достоинстве, о других людях, которым он порой доставлял немало хлопот своим поведением. Никите стало так совестно, что он только нахмурился и молча ушел домой обдумывать это случившееся с ним происшествие.

Разбираясь в себе, освобождаясь от заблуждений и разрешая мучительные противоречия жизни, Никита чувствовал, что его рассудок только слабеет с каждым днем, вместо того, чтобы сделаться крепче. Как будто разумение лишилось чего-то такого важного, что побуждало и увеличивало его силу. Но разумение не может лишиться чего-либо. Оно всегда есть, и живет в человеке, независимо от его внешних поступков. Сам Никита потерял... что-то важное в своей жизни, что единственно было его опорой. Он потерял веру в то самое разумение. Он перестал верить в свет внутри себя, и свет медленно угасал. Как свече нужен воск, чтобы она горела, так разумению нужна вера в него, чтобы оно освещало по всем направлениям.

Но Никита не спешил одуматься, и не брался за разум. Он думал вот как: вот бы вернуться в молодость, все мои несча-

стыя разом кончились бы: изменил бы все в лучшую сторону. И он задумался о лучших временах. На душе стало тоскливо и одиноко.

Никита никак не мог найти причину этого очевидно странного ослабления рассудка. У него возникало неисчислимое количество нерешенных вопросов.

Он все думал и думал об этом... Как вдруг все его существо вновь охватила сильная жажда выпить. Никита не удивился этому желанию, не стал как раньше противиться ему, воздерживаться, а только сделал то, чего захотел.

Как только он выпил, он сразу вспомнил о своем решении больше никогда не пить. Но как он мог забыть о нем? Как он дошел до того, что совершил не только то, что его отвращало до глубины души, но что он считал неразумным и губительным?

Читателю может показаться странным, а быть может сомнительным такое событие. Поэтому нам стоит уточнить некоторые особенности перед продолжением рассказа.

Дело в том, что Никита все эти несколько месяцев невольно наблюдал за пьющими, обращал внимание на стойки с алкоголем, испытывая при этом все усиливающееся желание выпить.

Его не смущало это желание.

Устремив взор вдаль, он не видел того, что творилось у него под носом. Он впустил в свое сердце неутолимую жажду удовольствия, сразу после принятия решения. Он просто-на-

просто не замечал его, и не думал замечать потому, что всецело надеялся на свое решение больше не пить.

Никита стал усиленно думать. Хотя его сознание несколько помутнело и ослабло, что-то другое изливало свет на его жизнь, несмотря на то, в каком он был состоянии. И это было то самое разумение, которое совсем недавно казалось ему таким слабым! Оно с невероятной и небывалою доселе силой освещало и указывало Никите на все ошибки, которые привели его к такой слабости духа.

Только теперь он заметил, что, решив больше не употреблять алкоголь, он совсем перестал следить за собой, своими мыслями и желаниями, полностью понадеявшись на свое решение не пить. Именно от этого искушение нашло самый подходящий момент для удара, и нанесло его в состоянии высшей слабости разума Никиты.

Второе, что смог уяснить Никита, было его довольство собой. Приняв решение не пить, он сразу стал вполне доволен собой, тем самым лишив себя возможности стать лучше. Довольство собой – яд для души. Ведь зачем что-то менять в себе, если все устраивает? По этой причине Никита становился тоскливым.

Обдумав все это, он пришел к выводу, что его новое падение было неизбежно. Что более, оно было необходимо для того, чтобы ясно увидеть свои заблуждения.

Глава 8

Никита принял новое решение больше не пить.

Он стал без устали следить за своими мыслями и желаниями. Если он ощущал появление состояния изнеженности после приема пищи, он сразу настраивал себя на борьбу. В такие моменты он был готов терпеть и страдать что есть силы. Именно поэтому желание выпить не посещало его продолжительное время.

Никита не мог нарадоваться своему счастью. Он больше не хотел пить.

Так день за днем его рвение и борьба умаялась тем, что не было больше сопротивления в его душе. Он все меньше следил за собой, решив вконец, что он победил. Иногда он молился Богу, прося прощения за прошлые ошибки и напоминал себе свое достигнутое жизнепонимание. Он стал невольно надеяться на свое отвращение к алкоголю, и на решение больше не принимать его. Мысли о том, что он искоренил в своей душе страсти, очень льстила его самолюбию. Никита со временем стал считать себя вправе изменять других людей, потому что в себе он не видел зла. Он казался себе святым человеком, и старался внешне уподобляться такому своему пониманию. Все, что не походило под его мерило доброго и злого в других людях, он страстно хотел изменить. Не замечая за собой, Никита указывал на ошибки других людей всегда. Он делал это сухо, высокомерно, с мыслями о том, что он делает дела Божии.

Другим людям не нравилось поведение Никиты. Но сам он не понимал, почему его слова воспринимают с неприязнью.

После каждой ссоры, каждого оскорбления в его сторону, он все больше закрывался в себе, обдумывал каждое свое сказанное слово. Чем больше случалось таких неприятных случаев, тем Никита становился угрюмее и серьезнее. Ни один лучик света не исходил больше от этого человека. Его фигура была мрачна и в то же время полна высокомерия. Он снова чувствовал себя одиноким, отстраненным от всех людей.

Подолгу, закрывшись в своей комнате, он думал о своей жизни и жизни всех людей. Его сознание переполняли угнетающие мысли, а сердце, точно сосуд, заполнялось злобой. Сам с собою он осуждал каждого человека, делающего что-то неправильно, либо делающего зло другим людям. Он стал ненавидеть таких людей. Он стал выискивать в них нехорошее, и выставлял это во всеуслышание. Часто в своем воображении он проводил беседы с такими людьми, самодовольно разъясняя их неправоту. Ему было лестно, когда воображаемые обманщики, или просто недалекие люди, принимали его суждения и покорялись его твердой и несокрушимой воле.

Таким человеком сделался Никита за полгода, с момента своей победы над пороком.

Он больше не видел в себе ошибок.

Никита сам страдал от своего такого состояния. Он всеми силами души хотел прекратить его. Он искал причину своего страдания в других людях, в их поступках, в государственном и общественном устройстве, в плохой погоде, в несварении желудка...

Он нравственно погибал в своих глазах. Внутри у него не было ничего, кроме несчастья и страдания. Но внешне он изо всех сил старался казаться все тем же святым и счастливым человеком, спасителем бедных и угнетенных. Все его высокомерие и ложное понятие о себе, держалось на скудной, прогнивающей опоре самолюбия. Никита был неприятен сам себе.

Однажды читая газету в своей комнате, его посетила одна ненавязчивая мысль. «Итак плохо на душе, хуже не будет, если я немного выпью...» Никита не обратил на нее никакого внимания, как будто ненароком прочитал о ней в газете. Сразу за мыслью, появилось какое-то сонное, еле заметное желание одурманиться. В воображении всплыли прежние картинки получения удовольствия. Никита, точно им кто-то управлял, встал с кресла и направился сделать желаемое. Делал он все это по старой механической привычке, как может делать человек, производящий одну и ту же деталь.

Никита легко, без борьбы сдался и запил.

Сразу после этого, в его душе произошло что-то невероятное: в нем точно пробудилось давно дремавшее состояние счастья. В нем появилось столько сил, желаний и стремле-

ний, как никогда прежде! Вспомнились старые незаконченные дела, планы, захотелось сделать и то, и это; жизнь закипела в нем как никогда, наполнилась прежними красками... Но в мгновение ока все это бесследно пропало. Все силы и стремления точно затянуло обратно. Никита ослабленный, выжатый и потемневший упал на кровать, желая одного: мгновенно уснуть, забыться, вычеркнуть из памяти все произошедшее с ним.

Он был один со своими угнетающими душу чувствами. Ни одно человеческое существо не помогло бы ему избавиться от них. В нем бушевало разнообразие ощущений, все как один издававшие мерзкий, одичавший запах.

Никита впал в некоторую дремоту. Он точно спал, но мог ясно соображать и чувствовать, что происходит вокруг него. Он был как будто опьянен. Но опьянение это было вызвано переизбытком волнения, потрясшего его.

Он прислушался к себе. Мысли медленно посещали его, переплетаясь с внутренними переживаниями. Он заметил, что стал похрапывать. На душе было все так же отвратительно.

«Как же стыдно, как стыдно, – стал думать Никита как будто во сне. – Стыдно от одной мысли, одного невзрачного воспоминания о моем поступке. Почему у меня не получается избавиться от этого порока? Почему я так ужасно погряз в нем? За что мне такая мука в мои года, ответь Отче?..»

«Лучше бы я совсем не выявил в себе разумения!.. Все

было бы по-прежнему, без всех этих страданий, волнений и вечных поисков неизвестно чего! Жил бы обычно, как все, не зная, что я существую, что я есть... как это было бы просто...»

Никиту эта мысль сильно взволновала. Он почувствовал, как его сердце заколотило, а по телу точно волною, прошло неприятное ощущение. Но такое состояние продлилось недолго. Он живо вспомнил причину всего этого страдания:

«Как же омерзительно мое падение и слабость! Ведь я осознанно все делал... осознанно!.. Я раб, животное, но никак не человек. Как мучительно сознавать, что ради телесных удовольствий, я отдаю свою свободу, радость и спокойствие души... Как это неразумно, глупо, гадко!»

«Никакое отвращение и решение не пить уже не спасают меня от падения. Разум ослаблен. Желание пить пустило глубоко корни в мое сердце, стало хозяином, и у меня уже нет сил бороться...»

«Сколько раз я, насладившись водкой, каялся Богу и укорял себя; сколько раз я уподоблялся животному, и плакался от этого, но потом снова, с новой энергией и животным пламенем в глазах еще сильнее чем прежде пил! Сколько раз я чуть не доходил до сумасшествия от всего этого безрассудства... Страшно то как...»

«Как выбраться из этого ужасного, омерзительного и зловонного болота? Как победить искушение плоти? Как очистить сердце от грязи, избавиться от тьмы?...»

Измотав себя не разрешаемыми вопросами, Никита совсем уснул. Он видел какой-то приятный и радостный сон. Он заметил, что может им управлять, и делать все по своей воле. «Может я умер? – вдруг подумал он. – Нет, глупости какие-то. Я сплю. Да, я сплю. Вот и хорошо»

В таком приятном состоянии он пролежал около часа. Проснувшись, он точно обновился после перенесенного потрясения. Никите показалось, что он стал другим человеком. Он стал думать.

Глава 9

В этот раз Никите вроде бы и не хотелось пить, он не чувствовал сильного, раздирающего и захватывающего все его существо желание выпить, которое он испытывал раньше при одном упоминании алкоголя. Также он не испытывал давление искушения, против которого не мог мысленно бороться. Было что-то другое, новое, что заставляло его бездумно совершать то, что вызывало в нем душевную боль и ужасное отвращение перед самим собой. Это что-то новое, была старая привычка пить. Не нужно никакой слабости ума или характера, чтобы вновь и вновь совершать дела, противные совести и разуму. Нужно лишь совершать эти дела с повторением, чтобы они смогли пустить глубоко корни.

Это самое и случилось с Никитой.

Вот уже на протяжении долгого времени, с небольшими

перерывами, Никита пил. Его главный порок успел за это время так накрепко впечататься в его сердце, что борьба с ним кажется невыносимой и мучительной.

Никита начал вспоминать то прекрасное время юности, когда он впервые пустил яду в свою жизнь. «Зачем? зачем я это сделал тогда? Был ли в этом какой-то смысл?..» – думал он с тяжестью на сердце. Чем больше он думал об этом, тем ему становилось все мучительнее, как будто прошлое нарочно хотело сделать ему еще больнее.

«Почему я настолько чувствителен к алкоголю? Ведь есть тоже люди, которые пьют, и у них нет такой сильной зависимости. Или есть люди, которые как и я поняли весь ужас и пагубное воздействие алкоголя не только на тело, но и на душу, что важнее всего, и взяли и перестали пить. Почему, отчего у меня не получается?.. Когда я только смутно понимал, что *он* отравляет мою жизнь, мне было намного легче взять и отказаться от него, чем когда я понял, что *он* зло и главнейший враг моей жизни. Может потому, что я объявил этот порок своим главным врагом, я побудил искушение не скрываться, а стать во весь рост и показать себя? Но сделав это, увидав силу и могущество своего врага, я был просто не готов сразиться с ним, т.к. был слаб духом?»

Никита наконец-то понял, что основная борьба с его пороком состоит не в самом воздержании, которое при должном усилии и практике не составляет особого труда, а борьба с самим искушением. Оно и только оно является главным

его врагом. Именно борьба в области мысли поможет победить страсти и усмирить внутреннее зло.

Осознав это, Никита впервые попробовал вступить в мысленное общение с искушением, когда оно только покажет себя.

Глава 10

Пока искушение не появлялось, Никита почувствовал внутреннюю потребность напомнить себе о том, кто он есть, и что он должен делать.

Став на колени, сомкнув руки в ладонях, он стал молиться.

Молился он вот как:

«Кто я? – думал он. – Я – человек. А что значит быть человеком? Быть человеком, значит быть существом добрым и рассудительным, значит быть справедливым. Чтобы быть таким всегда и везде, со всяким человеком и при любых обстоятельствах, нужно смотреть на себя как на существо в первую очередь духовное. Тело мое, дано мне для работы и служения, но оно не является мной. Если я смотрю на себя, как на духовное существо, то другие люди для меня такие же духовные существа.

Если я существо духовное, то понятие времени должно все больше покидать мое сознание, по мере все большего и большего понимания жизни. Для меня есть одно только на-

стоящее. И потому я должен жить и трудиться только в настоящем, потому что, только живя настоящим, я всегда с Богом. Сознывая это, мне будет проще и радостнее исполнять дело своей жизни. А в чем состоит это дело?.. Оно состоит, во-первых, в совершении добрых, любовных дел. А во-вторых, в совершенствовании к добру, т.е. к Богу.

Исполни я, и каждый другой человек в отдельности и все вместе дело жизни, – будет мир на земле, любовь и гармония!»

Напомнив себе о главном, Никита воспрял духом. Он был готов к самому главному сражению в своей жизни, мужественно ожидая часа его.

Глава 11

Через несколько дней, после внутреннего разговора с самим собой, Никиту охватило давно знакомое желание выпить. Оно как обычно по началу было слабо в своем проявлении. Но чем больше Никита обращал на него внимание, тем оно увеличивалось. Это обстоятельство заставило его сесть на кресло и хорошенько задуматься.

«Ведь я сам никогда не хотел и не хочу страдать. Разве я виноват был, что в молодости впервые запил?.. Но ведь в моей власти сейчас прекратить делать то, что заставляет меня страдать... Ведь я человек, существо свободное. Я властен сам выбирать, как поступать. Я не желаю страдать, а значит

просто нужно не делать того, от чего я испытываю страдания...

Как же это просто сказано! Как сделать то, что так разумно, но что совершить не хватает сил?..»

«Возможно вся моя кажущаяся слабость и причина того, что я покоряюсь страстям состоит в том, что я хочу быстро, безболезненно и легко, без всяких усилий победить внутреннее зло?..

Ведь так и есть! Как часто я прекращал борьбу только потому, что она была неприятна и мучительна. Но как она необходима!..»

«Почему я не боролся, сдавался так быстро? Ведь я должен с мужеством переносить страдания!.. Да, но это были не страдания... Я чувствовал и чувствую в груди очень приятное чувство, которое тянет меня к как будто большему наслаждению. Именно противиться этому чувству мучительнее всего. Голос этого чувства взывает увеличить удовольствие. Но ведь я точно знаю, что большего удовольствия, чем этого, не будет. Будет только давно знакомое, до отвращения неприятное и еле заметное наслаждение. Будет только плохо. Лучше я воздержусь, перенесу это приятное, но обманчивое животное чувство, и буду жить спокойно и счастливо, стремясь к святости...»

Только Никита мысленно решил воздерживаться, к нему впервые обратился голос плоти:

– Ты плохо понимаешь, зачем ты воздерживаешься, ли-

шая себя удовольствия. Лучше оставь это дело до лучшего своего понимания, и сделай сейчас что́ желаешь.

Никита вначале удивился силе довода искушения, и было хотел поддаться ему. Но разумение изливало свет, и он устремился к нему. Он ответил:

– Если моего понимания недостаточно для того, чтобы усмирить страсти, то это не значит, что я должен совершать то, что считаю дурным, и перестать воздерживаться. Я хочу быть человеком. Поэтому я не могу сделать то, что принижает меня до животного. Это просто не разумно.

– Но ведь ты раньше пил, и ничего. Немного алкоголя полезно для тебя будет. Ты сам это читал в одной ученой книжке. Ученые врать не будут. Так почему бы тебе и сейчас не сделать этого?

Никите показалось, что искушение говорит правильные вещи. Он действительно читал об этом. Он не знал, что ответить на это убеждение. Оно казалось для него несокрушимым. Но он не спешил соглашаться с ним, потому что верил, что все это неправильно, что все это обман. Умом он понимал, что все верно, но сердце твердило обратное. Ему вспомнилось, сколько он настрадался от алкоголя, сколько он сил и средств потратил на него, сколько вреда и беспокойства доставил родным... Это воспоминание пролило свет правды на слова искушения, и показало его в истинном, дурном облики. Никита ответил:

– Всякий человек может ошибаться. Если я раньше пил,

то делал это от недостатка понимания.

– Но ведь ты понимал, что пить дурно, но все-равно пил, значит это не дурно. Ты делал правильно, что служил мне.

После этого утверждения могло показаться, что Никите больше сказать нечего. В доводе искушения все было логично, сухо и безошибочно. Но Никита без всякого колебания мысли, сказал:

– Если я и понимал, что пить плохо, но все-равно пил, значит понимал неправильно. Понимал не по Божьему пониманию, а по человеческому.

Только он сказал это, голос плоти умолк, и страсти вместе с ним утикли.

Никита сам себе удивлялся. Слова как бы сами собой исходили из его уст. Точно это не он говорил сам от себя, а что-то через него говорило. Никита настолько ясно прочувствовал, что он был только стёклышком, через которое проливается солнечный свет, что на мгновение потерял ясное представление о себе. Точно его самого и не существовало никогда, а был лишь тот единственный свет, освещающий всю его жизнь. Никита нисколько не опечалился осознанием того, что он ничто. Наоборот, он настолько обрадовался ощущению в себе этого необъятного и могущественного света, который только действует через него, что прослезился от счастья.

В это же мгновение наивысшего счастья, на Никиту снизошло ясное озарение необходимости принять какое-то важ-

ное решение в его жизни. Точно дело его борьбы еще не окончено.

Ему невыносимо захотелось еще выше вознестись к небу. Его душа точно кричала от необъятного счастья: «Я хочу летать! Выше, еще выше!»

Никиту переполняли всевозможные чувства, не испытываемые им ранее. С каждой секундой они увеличивались в своем проявлении, и готовы были высвободиться наружу. Они как будто твердили одни и те же слова: «Нужно вырваться из оков невежества и страстей, нужно возвыситься!»

«Нужно голодать!» – вдруг сказала все его внутреннее существо.

Никиту точно громом ударило. Вначале он удивился этой мысли, а после совсем смутился тем, что ранее не прибегал к такому самоотречению. Он ясно понял, что оно необходимо не только для его души, но и для всей его жизни. Но что-то все-таки не давало ему принять окончательное решение.

Никита на секунду задумался. Все его существо все так же пребывало в возвышенном состоянии. Но что-то мешало полностью отдаться в его распоряжение. Мешал ему соблазн рассуждения. Никита старался задуматься о необходимости голодания, стал невольно искать оправдания, чтобы защититься от него, отсрочить его выполнение или, хотя бы, уменьшить его длительность. Он струсил в момент, когда необходимо было проявить мужество. Но рассудок его был все так же слаб. Ум его прибывал в некотором опьянении от

происходящего.

Минуты внутренней борьбы и сомнения казались часами. Точно вся будущая жизнь Никиты решалась сейчас, в этом нескончаемом настоящем. Отказаться, сознательно отвернуться от внутреннего света, значило бы навеки погрязнуть во тьму, страдания и... смерть. Никогда, никогда, никогда! Человеческая душа никогда, насколько бы она не погрязла во тьму, сознательно не отвернется от света, добра и правды, единственно ведущих к блаженному умиротворению.

Никита перестал думать, и полностью отдал сердце этому внутреннему побуждению к голоданию. Он сам ясно не осознавал для чего оно необходимо. Он только чувствовал всем существом, что так надо, и по-другому быть не может.

Ничего в мире нет лучше и радостнее первых шагов освобождения. Никита впервые после стольких месяцев переживаний, почувствовал какое-то облагораживающее душу чувство. Это было точно вознаграждение Бога за проявленную работу перед Ним.

Никита чувствовал, что становится ближе к Богу.

Глава 12

На протяжении двух недель Никита придерживался строгого поста, часто молился.

Но теперь дело обстояло иначе, он решил голодать неделю, разрешая себе употреблять только чистую воду. Никогда ему еще не приходилось сознательно столько времени обходиться без пищи!

В первые два дня, его физическое и внутреннее состояние было необычайно хорошее. Он чувствовал гармонию души и тела. Его нисколько не беспокоило желание поесть. Его не посещали, как ранее, мысли о еде; ему не казалось, что жизни без нее нет. Впервые для себя он уразумел, что жизнь в нем самом. Он почувствовал ее настолько ясно, что принял ее одну за истинную, неразрушимую и бесконечную жизнь.

Никита был необычайно счастлив.

На третий и четвертые дни, его время от времени стали посещать мысли о еде. На пятый день он все свои силы тратил на контроль своего сознания, стараясь не думать ни о чем. Он неустанно молился сердцем последующие дни, думал об Учителе, о Боге.

Когда Никита закончил голодать, он почувствовал себя очищенным. Все ранее бушевавшие в нем страсти пропали без следа. Что важнее этого, его сознание как будто окрепло, не было скованно и подавлено. Он мыслил свободно, быстро и легко, независимо от своих умственных способностей.

Хотя внутри он ощущал себя как никогда окрепшим и здоровым, тело его было немощно. За эти семь дней голодания он заметно похудел. Но как светились его глаза! Этот свет жизни, исходивший от них, затмевал всю его слабость

и жалкий, истощенный вид.

Не успел пройти месяц после вышеописанного события, как искушение снова обратилось к Никите.

Он хорошо понимал и знал, что искушение заставляет мысль работать на себя, поработавшая ее; он знал, что поработавшая мысль будет с невиданной ловкостью и быстротою, сопоставляя старые факты с новыми, приводить такие доводы в пользу дурного дела, что человеку, порой, невозможно удержаться. Поэтому он прежде чем вступить в беседу, стал следить за ходом своих мыслей, сдерживая попытки вообразить что-то. Он знал также, что воображение есть хорошее орудие, с помощью которого искушение может легко соблазнить его, и удержаться будет труднее.

Никита сказал:

– Хорошо, допустим я сделаю то, что ты просишь: пойду куплю водку и выпью ее, что мне будет?

– Будет тебе удовольствие, – ответило искушение плоти.

– Но ведь я точно знаю, что после него будет страдание. Я начну каяться и укорять себя, снова стану несчастным. Как я могу сделать то, что противно человеческой природе, противно моей вере в Бога? Я просто не могу этого сделать. Это не разумно.

– Если бы ты верил в Бога, ты бы пошел и по своей воле купил и выпил водки, потому что потребность удовольствия вложена в тебя Богом. Но ты не делаешь этого, значит ты не веришь в Бога и идешь против своей человеческой природы

и ее желаний.

Никите живо представилось то сильное наслаждение, когда он пьет: как он наливает водку в стакан, пьет и закусывает. Все это было очень соблазнительно для него. По всему его телу прошла приятная дрожь.

– Нет!.. Если я отказываюсь делать то, что считаю неправильным, то это не значит, что я не верю в Бога. Наоборот! Я не хочу делать то, что противно моей духовной природе.

– Если ты веришь в Бога, и считаешь себя духовным существом, то пойди убей себя, и дух твой будет жив, и ты не умрешь.

Никите пуще прежнего представилось, как он держит в руке нож, как он хочет исполнить свое старое намерение. Голос плоти говорит:

– Проткни себя, с тобой ничего не случится, ведь ты духовное существо. Но ты не сделаешь этого. Поэтому почему бы тебе не сделать того, что ты сам действительно хочешь? Перестань обманывать себя глупостями о своей духовной природе. Пойди лучше, и купи водки, и сделай, что я хочу и что ты сам хочешь.

Но Никита не испугался напоминания о прошлом своем страхе и сказал:

– Я могу пренебречь твоими обманчивыми желаниями, но не могу отказаться от тебя, потому что так хотел Бог, чтобы мое духовное существо было во плоти. Я не могу лишиться себя жизни, – это не в моей власти. Не я дал себе жизнь, и

потому не могу забрать ее.

Но искушение плоти не понимало доводов Никиты. Оно продолжало на своем.

– Если ты не можешь убить себя, то ты так же не можешь не делать то, что хочешь выпить. Ты не должен противиться этому желанию, потому что оно естественно и вложено в тебя, и потому служи мне, и ты получишь все, что только пожелаешь. Перестань обманывать себя тем, что ты не видишь. Ты не видишь духовной природы, Бога. Значит Его нет. А меня ты видишь, мои желания чувствуешь, и можешь быстро и легко удовлетворить им.

Никите представился весь мир людей. Как все работают для плоти, и получают от нее награду.

– Вот видишь, – сказала искушение, – они поступают правильно, служа мне. И ты так делай, и будет тебе все, что только пожелаешь.

– Ты говоришь верно, что я всегда буду в твоей власти... Ты всегда будешь требовать своего потому, что такова твоя плотская природа. Но помимо этого, я еще чувствую в себе другую, духовную, истинную жизнь. Эта истинная жизнь требует от меня исполнения не своей воли, а исполнения воли того, кто дает мне жизнь. Ее же мне дает Бог, начало жизни. И потому Его одного почитаю, Ему одному служу, и от Него одного ожидаю награду.

После этих слов голос плоти оставил Никиту.

Глава 13

Победив искушение плоти, Никиту, однако, не покинуло желание выпить. Эта внутренняя борьба все еще продолжалась. Но и она, как и всякое телесное ранение рано или поздно заживет. Все со временем умягается.

Победа над искушением, и выявление своей сыновности Богу, показали Никите то, что он должен при каждом столкновении плоти с духом, всегда делать выбор в пользу второго. Он понял, что должен всегда делать внутреннее усилие в пользу духа.

Раньше он не делал этого усилия потому, что не понимал точно, для чего ему нужно проводить над собой насилия, и терпеть. Теперь же он это точно знал, и не мог уже делать того, что требует от него плоть.

Хотя эта борьба так же трудна для него после победы над искушением, но она имеет смысл. Именно она приближает Никиту к Богу, освобождая от пут несчастья, страдания и зла.

Усмирив свой главный жизненный порок, который в течении многих лет господствовал в сердце Никиты, он наконец увидел то, что ранее было скрыто. Если и случалось в его жизни раньше, что сквозь заросли порока пробивались теплые лучики света, то это было только какой-то мимолетной радостью. Теперь же потоку света ничто не мешало из-

ливаться и согревать. И свет этот как никогда ясно и понятно указывал на единственное благо, которое дает жизнь всему существующему. И благо это было так близко Никите, так понятно ему, что он не замечал его только потому, что его главный соблазн закрывал свет и делал тьму, в которой ничего не видно. Теперь же он видел это благо, и не мог не идти к нему потому, что оно всегда находилось в нем самом. А благо это есть всем и давно известное с детства желание добра всему существующему, есть любовь, есть Бог, как и сказано в Евангелии, что Бог есть любовь.

Бердянск 30.01.2018